

Мэй Цзибай издал короткий, невеселый смешок и негромко произнес:

— Его грызли сомнения. Семья Юй была для него неподъемным бременем, и я не хотел давить. К тому же... мне казалось, что у нас впереди целая вечность. Я ждал, пока тайны его семьи раскроются, пока он наконец позволит себе подумать о собственном счастье. Но я не ожидал, что все рухнет так быстро. За последние два года я сотни раз спрашивал себя: если бы я был настойчивее... если бы взял инициативу в свои руки, удалось бы нам избежать такой развязки?

В голосе Мэй Цзибая сквозило раскаяние и горечь — бесконечная тоска человека, столкнувшегося с прошлым, которое уже не исправить.

Гу Цин молчал, не зная, что ответить. Боль Мэй Цзибая была тихой, не выставляемой напоказ, но именно такие чувства меняют людей до неузнаваемости. Два года для самого Гу Цина пролетели как одно мгновение, а для Мэй Цзибая они растянулись на восемьсот мучительных дней и ночей.

И виной всему был он сам.

Пусть не во всем, но добрая половина ответственности лежала на нем. Тогда он и мысли не допускал о чувствах, его разум был отравлен жадной мести. Перед смертью мать просила его не возвращаться и оставить прошлое в покое, но он не смог. Он просто не умел жить новой жизнью, пока не сведет старые счеты.

Он согласился тогда лишь для того, чтобы мать ушла с миром. Но как только ее не стало, он — тогда еще студент четвертого курса — устроился стажером в компанию У Цимина, став помощником Ван Чжэня. Ему нужно было поставить точку в этой истории, ради самого себя и ради памяти отца.

Мэй Цзибай не признавался в любви, он просто преданно ждал, а Гу Цин растоптал это ожидание. К счастью, судьба дала ему второй шанс. Пусть теперь у него другое имя, но он все еще мог все исправить.

«Если Мэй Гуанци не причастен к краху семьи Юй и смерти отца, я во всем признаюсь, — решил Гу Цин. — Мы сможем быть честны друг с другом. И какой бы ни была его реакция, я приму любое наказание».

Если же Председатель Мэй замешан... что ж, тогда Гу Цину придется твердо стоять на своем, надеясь на поддержку Мэй Цзибая. Когда пыль уляжется, он посвятит остаток жизни искуплению вины перед любимым человеком. Кем бы он ни был — Гу Цином или Юй Цзиньянем — он больше не отпустит его руку.

Гу Цин в два шага подошел к Мэй Цзибаю, опустился перед ним на корточки и накрыл его ладонь своей.

— Я не вправе судить о том, что случилось тогда, — мягко сказал он. — Но очевидно, что главная вина лежит на нем. Не стоит взваливать все грехи мира на себя.

В прошлой жизни он действительно был слишком самонадеян. Никому не верил, действовал импульсивно, за что и поплатился: один удар дубинкой во время стычки с Ван Чжэнем — и полет с крыши.

У Цимин был подлецом, но и сам Юй Цзиньянь не блистал мудростью.

Мэй Цзибай долго смотрел в глаза Гу Цина, а затем легонько щелкнул его по лбу.

— Виноваты оба, — отрезал он.

Гу Цин притих, не желая больше спорить.

— Раз уж мы оба копаем в одну сторону, может, объединим усилия? — предложил он. — Сразу уточню: я не пытаюсь заключить сделку. Мои чувства к тебе и расследование дел семьи Юй — вещи абсолютно разные.

— Согласен.

Гу Цин кивнул и поднялся.

— Тогда я начну с того, что нашел. Минуту, сейчас принесу.

Когда он вышел, Мэй Цзибай задумчиво сцепил пальцы. На ладони все еще чувствовалось тепло чужой руки — мимолетное ощущение, которое хотелось удержать. Ему не терпелось сократить дистанцию, но он боялся спугнуть «маленького ежика». Этот колючий комок только-только начал высовывать голову из своей брони, и Мэй Цзибаю хотелось дать им обоим время, оберегая этот хрупкий прогресс. То, что Гу Цин наконец перестал бежать от собственных чувств, уже было огромным шагом вперед.

Гу Цин заглянул в свою комнату, а по пути обратно прихватил из столовой недоеденный торт. Зайдя в кабинет, он увидел, что Мэй Цзибай уже заварил свежий чай, и невольно улыбнулся.

Поставив торт на стол, он отхлебнул из чашки. Вкус был мягким, глубоким — выдержанный чай без капли терпкости. Мэй Цзибай всегда был внимателен: зная, что Гу Цин не большой ценитель чайных церемоний, он выбирал старые сорта белого чая или пуэра, которые легко пились и оставляли приятное сладковатое послевкусие.

Гу Цин спрятал улыбку в уголках губ и протянул ладонь, на которой лежал небольшой предмет.

— Вот. Это от Ван Юаньфана, сына Ван Чжэня. Вещи, которые остались от его отца. Судя по всему, старик был не так глуп, как казалось. Он понимал, что У Цимин его просто использует и рано или поздно уберет как ненужного свидетеля, поэтому подготовил страховку.

Мэй Цзибай взял флешку, внимательно ее осмотрел.

— Еще не открывал?

— Там пароль, — вздохнул Гу Цин. — Я просил Шэнь Бояня помочь со взломом, но там стоит защита от несанкционированного доступа. Всего шесть цифр, но при любой попытке обхода программа просто уничтожит все данные. Нужен только верный код.

Мэй Цзибай вернул флешку, на мгновение задумавшись.

— Ван Чжэнь был амбициозен, но ценил привязанности. Ты не думал, что он мог искренне раскаиваться в предательстве семьи Юй? Возможно, этот архив — не просто страховка на случай мести У Цимина, а попытка очистить совесть.

Гу Цин нахмурился. Он работал помощником Ван Чжэня и знал, что тот умел быть верным... Мысль о раскаянии... что ж, она не была лишена смысла.

— После краха семьи Юй Ван Чжэнь перешел в компанию У Цимина, — продолжил Мэй Цзибай. — Я проверил счета его родственников. В тот период на заграничные счета Ван Юаньфана и его жены поступили крупные суммы. Благодаря этим деньгам его трехлетней дочери успешно сделали операцию на сердце в зарубежной клинике.

Гу Цин помрачнел. Об этом Ван Юаньфан предпочел умолчать — видимо, не хотел признаваться, что его семья жила на кровавые деньги.

— Похоже, Юаньфан просто хотел моими руками узнать правду о смерти отца, — с сарказмом бросил он. — А может, и сам планировал еще разок шантажнуть У Цимина.

— Будь он умнее, он бы даже не думал об этом, — возразил Мэй Цзибай. — С У Цимином ему не сладить. Для него лучшее решение — держаться от этой грязи как можно дальше.

Гу Цин холодно хмыкнул.

— Давай предположим. Мой... то есть Юй Чанхуэй когда-то помог Ван Чжэню подняться, но тот был слишком горд. В трудную минуту он не захотел просить помощи у босса, с которым проработал столько лет. Ему казалось, что в корпорации Юй у него нет будущего, и он поддался на уговоры У Цимина. А когда семья Юй была уничтожена, в нем проснулись остатки совести?

— Это звучит логично, — Мэй Цзибай долил чаю в чашку Гу Цина. — Но пока мы не подберем пароль, правды не узнаем.

Гу Цин задумчиво вертел чашку в руках.

— Какая польза от его раскаяния? Махать кулаками после драки легко.

Он вспомнил тот последний разговор на крыше. Как бы он ни давил, Ван Чжэнь упорно молчал, твердя, что к делам семьи Юй непричастен. Видимо, тогда он еще не осознавал, насколько быстро за ним придут, и пытался выгородить себя.

Заметив, что Гу Цин помрачнел, Мэй Цзибай мягко кивнул на торт. Когда тот немного успокоился, он спросил:

— Пароль из шести цифр... Ты не думал, что это может быть какая-то дата?

«Дата?»

У Гу Цина даже рука с вилкой дрогнула. Он мгновенно воодушевился.

— Черт, как я сам не догадался! Ты просто гений. Сейчас принесу ноутбук!

Он уже вскочил, но Мэй Цзибай неторопливо остановил его, взглянув на свой рабочий компьютер.

— Можешь воспользоваться моим, если хочешь.

Гу Цин замер в нерешительности.

— Я-то не против, мы ведь партнеры по расследованию. Все равно пришлось бы делиться уликами. Но ты уверен? У тебя в компьютере нет конфиденциальных данных компании? Не боишься, что я увижу лишнее?

— Все в порядке. Я тебе доверяю.

Гу Цин вскинул бровь. Он не знал, откуда в Мэй Цзибае такая безоговорочная вера, но черт возьми, это было чертовски приятно.

Сев в кресло Мэй Цзибая, он вставил флешку. После нескольких неудачных попыток он вспомнил один из документов в материалах дела и ввел дату. Окно программы открылось.

— Иди сюда, смотри! — радостно воскликнул он. — Есть контакт. Тут... тут действительно много всего.

Мэй Цзибай подошел ближе и, опершись рукой о спинку кресла, скользнул взглядом по экрану.

— Весьма содержательно.

Гу Цин кивнул, его лицо становилось все серьезнее. Большинство файлов — записи встреч У Цимина и Ван Чжэня, доказывающие их сговор. Ван Чжэнь подробно описал, как сливал конфиденциальные данные корпорации Юй. Там же были упоминания о «несчастном случае», в котором погиб Юй Чанхуэй. Правда, информации об аварии было немного — Ван Чжэнь явно пытался снять с себя ответственность за смерть бывшего начальника.

— Не принимай все на веру, — предостерег Мэй Цзибай. — Каждое слово здесь нужно перепроверять.

— Знаю. Месть мостью, но я не позволю использовать себя как марионетку, даже покойнику.

Мэй Цзибай одобрительно улыбнулся. Гу Цин заметно повзрослел: стал рассудительнее и научился слушать.

«На ошибках учатся», — горько подумал про себя Гу Цин, вспоминая свою прошлую гибель.

Просмотрев основные папки, он невольно вспомнил о Мэй Гуанци. Закусив губу, он поднял голову и прямо спросил:

— В ту ночь... Я видел, как У Цимин контактировал с твоим вторым дядей. Все знают, что Мэй Гуанлинь — лишь пешка, он не делает ничего без приказа твоего отца. Я просто хотел... прощупать почву.

Мэй Цзибай положил руку ему на плечо.

— Я позволил тебе это, потому что у меня были те же сомнения.

— Ты сделал это специально?! — возмутился Гу Цин.

— Отец запрещал мне лезть в дела прошлого. Даже когда... когда не стало Цзиньняня, он стоял на своем. Говорил, что за всем этим стоят опасные люди. Он никогда не обсуждал со мной свои отношения с семьей Юй, и все ниточки в моем расследовании тоже вели к нему. Я строил догадки, но...

— Но что?

— По правде говоря, — в голосе Мэй Цзибая послышалась беспомощная ирония, — я просто не верю, что он мог предать семью Юй.

Гу Цин снова уставился в монитор. Ему тоже не хотелось в это верить, но улики — вещь упрямая. Пока Мэй Гуанци молчит, у них нет выбора, кроме как подозревать его.

— А ты знаешь, что он скупил часть активов семьи Юй за бесценок? — негромко спросил он.

Мэй Цзибай не сводил с него глаз.

— Знаю. Наши семьи были очень близки. В свое время господин Юй сильно помог моему отцу, а он не из тех, кто забывает добро. Его молчание... я склонен думать, что он просто защищает нас. Те, кто стоит за всем этим, действительно опасны. А покупка активов... у него наверняка были свои причины.

«Это говорит в тебе сыновний долг», — мысленно возразил Гу Цин. Он не стал произносить это вслух. Если окажется, что Мэй Гуанци виновен, сможет ли он заставить Мэй Цзибая пойти против собственного отца? Нет. Он мог лишь надеяться на понимание, но не требовать невозможного.

Видя сомнения Гу Цина, Мэй Цзибай добавил:

— Отец искренне заботился о Цзиньяне, хотя тот всегда держался отстраненно. Когда мы начали сближаться, отец просил меня присматривать за ним.

Гу Цин замер. О таком он не слышал. Значит, Мэй Гуанлинь одобрял их отношения? Было ли это заботой о сыне старого друга или попыткой загладить вину? Ответов не было.

Он закрыл глаза, пытаясь унять бурю в душе. Нет смысла гадать сейчас, нужно дождаться результатов.

— Если в конце концов выяснится, что твой отец ни при чем, — тихо пообещал он, — я искренне перед ним извинюсь.

Мэй Цзибай ласково взъерошил его волосы.

— Какой послушный.

Гу Цин не стал возмущаться — сейчас он больше всего на свете хотел, чтобы Мэй Гуанци

оказался невиновен.

Пока он был погружен в свои мысли, Мэй Цзибай придвинул к нему тарелку с остатками торта и чашку чая. Гу Цин поднял взгляд и на мгновение опешил, когда вилка с кусочком бисквита оказалась прямо у его губ.

— Эй... я же уже выздоровел. Это что, до сих пор «привилегии больного»?

Мэй Цзибай едва заметно улыбнулся.

— Нет. Это просто забота о младшем.

Гу Цин мгновенно ощетинился:

— Да ты Е Байцина так никогда не баловал! Решил поиздеваться надо мной? Тебе это весело, да?

Мэй Цзибай и не думал отрицать. Младшие братья когда-нибудь вырастают и улетают из гнезда, и как бы ты их ни опекал, их нужно учить самостоятельности. А вот возлюбленных... их нужно просто баловать. Разве может он позволить этому человеку быть кем-то еще, кроме как самым близким?

— Будешь есть? — снова спросил он, не убирая вилки.

<http://bllate.org/book/17544/1713060>